

Этот внезапный укус застал врасплох даже Линь Сынянь, который был рядом. Он не успел его остановить. Когда он наконец вытащил маленький кулачок из заплаканного рта Фэйфэя, то, увидев на нём отпечатки зубов, не знал, смеяться ему или сердиться.

— Не больно, да? — с ноткой раздражения спросил Линь Сынянь. — Ты что, тигрёнок? Зачем себя кусаешь?

— У-у, — всхлипнул малыш, едва сдерживая слёзы. — Фэйфэй не тигрёнок. Фэйфэй — мальчик.

Линь Сынянь потёр его ручку с отпечатками зубов.

— Ну и как, мальчику теперь больно?

Фэйфэй шмыгнул носом. Он хотел, как Линь Яо, невозмутимо сказать, что не больно. Но под взглядом отца он жалобно кивнул:

— Фэйфэю ручку больно.

Линь Сынянь поднёс его кулачок к своему лицу и серьёзно, как будто это было настоящее лекарство, произнёс:

— Папа сейчас подует, и боль улетит.

Он сделал глубокий вдох и несколько раз сильно подул на ручку Фэйфэя своей «волшебной силой».

Сидевший рядом Линь Яо тоже подполз поближе и, подражая Линь Сыняню, надул щёки, как лягушонок, и принялся дуть на руку Фэйфэя.

— Хватит, а то голова закружится, — остановил его Линь Сынянь.

Но Линь Яо было всё равно. Подув, он уставился на Фэйфэя своими большими глазами и пролепетал:

— Яоя подул, братик, боль улетела.

Фэйфэй, всё-таки заботясь о своём авторитете старшего брата перед Линь Яо, до конца так и не расплакался. А когда боль в руке утихла, он и вовсе забыл о слезах. Лишь маленький след от зубов на руке напоминал о его недавней глупости.

В ту ночь в гостиной семьи Линь снова было шумно и весело. Даже Го Кай, который обычно спал очень чутко и просыпался от малейшего шороха, в этой обстановке спал на удивление крепко.

Спать на полу, как бы мягко ни было постелено, конечно, не так удобно, как в кровати. Но когда Го Кай проснулся на следующее утро, он увидел, что на лицах спящих напротив Цзян Яна и Цзи Ичэна застыли улыбки, словно им снилось что-то очень хорошее.

Го Кай помнил только, что ему приснился долгий, безмятежный сон. Сладкий, очень сладкий, слаще, чем все конфеты, которые он ел в детстве.

Подойдя к зеркалу в ванной, чтобы умыться, он, казалось, всё ещё видел в своих глазах отблески той счастливой улыбки.

На четвёртый день нового года в городе С снова выпал снег. Хотя они уже лепили снеговика, малыш всё равно с огромным интересом смотрел на землю, покрытую снегом по самую его маленькую голень.

Утром после пробуждения Линь Сынянь вывел его посмотреть на снег. Днём, когда Линь Сынянь уехал по делам, Линь Хань и Линь Линь, видя тоскливый взгляд Фэйфэя, устремлённый за окно, не выдержали и снова повели его на прогулку.

Вскоре после их возвращения Линь Хань, Линь Ци и Линь Линь сели делать домашнее задание, передав заботу о Фэйфэе Линь Гошэну.

В это время за окном снова начали порхать снежинки, пока ещё не очень густо.

Фэйфэй, показывая на падающий снег за панорамным окном, сказал Линь Гошэну:

— Дедушка, снег!

Видя радость внука, старик подумал, что хотя на улице и холодно, если одеть Фэйфэя потеплее и выйти ненадолго, ничего страшного не случится.

И Линь Гошэн, решительно махнув рукой, в третий раз за день вынес Фэйфэя на улицу.

Частая смена температуры и контакт с ледяным снегом не прошли даром. После ужина Фэйфэй начал кашлять, его щёки покраснелись.

Линь Цзинли приложил руку ко лбу малыша, слегка нахмурился и, кивнув остальным, сказал:

— Собирайтесь, везём Фэйфэя в больницу.

Лоб малыша был горячим, температура была не меньше тридцати восьми.

Доктор Ван в этом году уехал к родственникам и не был в городе С на праздниках. Поэтому больного Фэйфэя пришлось везти в больницу.

Линь Сынянь, едва успев вернуться домой, тут же снова бросился собирать вещи, и они с Линь Цзинли повезли Фэйфэя в больницу.

Линь Гошэн, Линь Госюн и остальные тоже хотели поехать, но Линь Цзинли их отговорил:

— Сегодня выпал снег, дорога скользкая. В больнице мне и Сыняню за кем смотреть — за Фэйфэем или за вами?

Услышав, что дедушки и бабушки не могут поехать, Линь Хань хотел было поднять руку, но Линь Сынянь тут же отправил его делать уроки.

В итоге, Линь Цзинли и Линь Сынянь, надевший тёмные очки и маску, повезли Фэйфэя в больницу. Они выбрали частную клинику с хорошей репутацией в плане конфиденциальности, поэтому, несмотря на известность Линь Сыняня, их визит не вызвал особого ажиотажа.

В больнице врач измерил температуру: тридцать восемь и семь. Он предложил дать лекарство и оставить на ночь под наблюдением. Если завтра температура спадёт, можно будет выписываться. Если же жар не пройдёт, придётся делать укол.

Фэйфэя устроили в палате. Болезнь и незнакомая обстановка вызывали у малыша беспокойство, и он крепко цеплялся за Линь Сыняня, просясь на руки.

Линь Сынянь, держа Фэйфэя одной рукой, другой кормил его. Он беспокоился, как бы малыша не стошнило от дискомфорта. Он даже не заметил, как растрепались его волосы и помялась одежда.

А ведь раньше он был так щепетилен в вопросах своего внешнего вида.

Линь Цзинли забрал результаты анализов и пошёл с ними к врачу. Убедившись, что у Фэйфэя обычная простуда, вызванная переохлаждением, он вышел из кабинета и вспомнил, что нужно позвонить домой.

Телефон ответили практически мгновенно.

— Как Фэйфэй? Это серьёзно? В больнице нормальные условия? Врачи хорошие? Укол будут делать? Фэйфэй плакал? Он скучает по дедушке? Если что, я позвоню старому Вану.

Линь Цзинли терпеливо ответил на все вопросы:

— Обычная простуда, ничего серьёзного. Условия в больнице нормальные, врачи тоже. Пока уколы не нужны. Фэйфэй сначала испугался, что будут делать укол, и заплакал, но когда узнал, что не будут, успокоился. Не знаю, скучает ли, ничего не говорил. И пока дяде Вану звонить не надо.

Услышав ответы, на том конце провода раздались облегчённые вздохи. Но телефон никто не вешал.

Даже если бы он повесил, Линь Цзинли предполагал, что звонки будут продолжаться, возможно, даже чаще, чем в тот раз, когда Фэйфэй пошёл в детский сад и разрядил телефон Линь Сыняня.

Поэтому он постоял у двери палаты, подумал, что-то нажал в телефоне и, держа его в руке, вошёл в палату.

Войдя, он поставил телефон на ближайший к Фэйфэю и Линь Сыняню столик, оперев его так, чтобы камера была направлена на них.

Фэйфэй проглотил ложку каши, которую ему дал папа, и с опозданием посмотрел в сторону дяди.

Линь Цзинли махнул ему рукой.

— Дядя просто так, Фэйфэй, кушай дальше.

На экране телефона Линь Цзинли, разделённом на несколько частей, были видны лица всех домашних. Перед тем как войти, он отключил звук и теперь вёл прямую трансляцию для тех, кто остался дома.

Он подумал, что это, пожалуй, единственный способ успокоить всю эту большую компанию.

— Папа, Фэйфэй наелся, — сказал Фэйфэй, когда Линь Сынянь поднёс к нему очередную ложку каши.

Лекарство ещё не подействовало, и малышу было хуже всего. То, что он съел столько каши, уже было подвигом. Поэтому Линь Сынянь не стал его заставлять. Он прижал малыша к себе покрепче и стал его укачивать.

— Поспи, Фэйфэй. Проснёшься, и станет легче. Папа будет здесь, с тобой.

Фэйфэй повернулся к Линь Сыняню, уткнулся лицом ему в грудь, в тень, и, схватившись за рукав его рубашки, медленно уснул.

Фэйфэй спал, а Линь Сынянь и Линь Цзинли, а также все, кто смотрел трансляцию, не отрываясь, наблюдали за ним.

Глядя на спящего малыша, в гостиной начали раздаваться голоса самобичевания.

Первым был Линь Хань.

— Если бы я днём не повёл его на улицу, — глухо сказал он. — Наверняка он замёрз, когда мы играли в снегу.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать, Линь Гошэн вмешался:

— Ты тоже выводил его днём?

Линь Хань и Линь Линь кивнули.

Лицо Линь Гошэна осталось бесстрастным.

— А я вечером подумал, что Фэйфэй целый день дома просидел, и вывел его на полчаса посмотреть на снег.

Остальные переглянулись. Ну вот, дело раскрыто. Оказалось, виноваты две прогулки по снегу!

Младшие не осмелились упрекать Линь Гошэна и сердито посмотрели на Линь Ханя и Линь Линя.

У Линь Госюн и Линь Гохун таких ограничений не было.

— Брат, — начал ворчать Линь Гохун, — прежде чем выходить, хоть бы спросил, гулял ли Фэйфэй. Как можно быть таким неосторожным? Два раза выводить ребёнка на улицу, когда идёт снег. Такие перепады температуры...

Они ещё не знали, что на самом деле прогулок было три. Утреннюю с Линь Сынянем ещё не посчитали.

Эту ночь Линь Сынянь и Линь Цзинли почти не спали.

Особенно Линь Сынянь. Малыш, заболев, хоть и был по большей части послушным, стал очень привязанным. Стоило Линь Сыняню положить его, как он хмурил бровки и готов был заплакать. Даже во сне он выглядел обиженным.

Когда Фэйфэй болел в прошлый раз, он, возможно, из-за того, что ещё не очень привык к своему отцу, вёл себя очень спокойно. Не то что сейчас. Линь Сыняню даже в туалет приходилось бегать на предельной скорости, укладываясь в тридцать секунд.

Глубокой ночью Линь Цзинли попытался взять малыша у Линь Сыняня. К удивлению, ребёнок, хоть и нахмурился, не стал сильно возражать. Линь Сынянь наконец смог размять занемевшие руки.

На следующий день температура у Фэйфэя спала. К огромной радости всей семьи, ожидавшей его возвращения, Линь Сынянь, закутав малыша в тёплое одеяло, привёз его домой.

Вернувшись, Ян Юйин с тревогой встретила их, с нежностью коснулась бледных щёчек внука и сказала:

— Эх, всё-таки организм ещё слабенький. А слабость так просто не исправишь. Нужно будет больше учиться у доктора Вана рецептам укрепляющих отваров. Фэйфэй, теперь мы будем хорошо кушать каждый день, договорились?

Фэйфэй кивнул. Он тоже понимал, что заставил всех волноваться. Он потёрся щекой о руку Ян Юйин и сказал:

— Бабушка, Фэйфэю уже не плохо. Не волнуйся.

— Как же бабушке не волноваться? Вот когда Фэйфэй станет здоровым и сильным и перестанет болеть, тогда бабушка и не будет волноваться.

Фэйфэй серьёзно кивнул:

— Фэйфэй будет много кушать, станет сильным. И не заставит бабушку волноваться.

— Мой хороший малыш.

Болезнь Фэйфэя во время праздников, хоть и была несерьёзной, послужила тревожным сигналом для всей семьи: организм малыша всё ещё недостаточно крепок. Все стали ещё более бдительными. Фэйфэя даже не брали с собой в гости к родственникам.

Позже слова доктора Вана немного успокоили семью. Он сказал, что, хотя Фэйфэй и не такой крепкий, как другие дети, это не большая проблема. С возрастом, при условии правильного питания и режима, если он будет послушным ребёнком и не будет привередничать в еде, его организм постепенно восстановится даже без специального лечения.

Такая чрезмерная осторожность, как у семьи Линь, по его словам, могла даже навредить.

Иногда излишняя опека приносит ребёнку не пользу, а вред.

Все они просто переволновались. После того как доктор Ван прочитал им лекцию, они постепенно вернулись к своему обычному состоянию.

С грохотом фейерверков на пятнадцатый день закончились новогодние праздники. Это был самый весёлый Новый год в истории семьи Линь.

После праздников Линь Хань, Линь Линь, Линь Ци и Линь И вернулись в школу. А через несколько дней снова открылся детский сад Фэйфэя.

Кроме того, что в старом особняке теперь постоянно жило гораздо больше народу, жизнь, по мнению Линь Гошэна, была просто идеальной.

В этот вечер Фэйфэй сидел перед телевизором и смотрел мультики. Вдруг зазвонил телефон. Фэйфэй слез со своего стульчика и, встав на цыпочки, снял трубку.

— Директор? Я подвёл вас. Простите. Простите. Но я так устал, я больше не могу... — голос мужчины на том конце провода был тихим и подавленным. — Я за эти годы скопил немного денег, оставлю их все детскому дому. Я сейчас записываю разговор, пусть эта запись будет доказательством для получения наследства. Директор, вы тоже можете начать запись.

Сидя на крыше, мужчина, сжимавший телефон, казалось, ещё не понял, что ошибся номером.

Фэйфэй, держа трубку, с недоумением склонил голову набок.